

ГОСУДАРСТВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ПРАВО

Российская модернизация в свете мир-системных концепций*

Г. А. ХАКИМОВ

(ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК)**

В статье предпринята попытка альтернативного анализа модернизационных тенденций России с помощью мир-системных концепций. Автор раскрывает взгляды Ф. Броделя и И. Валлерстайна на проблему российской модернизации, а также мир-системные концепции современных российских ученых. По его мнению, несостоятельность современных теорий российской модернизации можно преодолеть, используя мир-системный анализ. Этот подход позволяет обнаружить исторические закономерности экономического и политического развития России и ее периферийное положение в мировой капиталистической системе.

Ключевые слова: модернизация, Россия, мир-системный анализ, капитализм, рынок, периферия, центр, редистрибуция, управляемый плюрализм.

The Russian Modernization in the Light of World-System Concepts

G. A. KHAKIMOV

(THE INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

In the article an attempt of an alternative analysis of modernization trends in Russia by dint of world-system concepts is made. The author reveals F. Braudel's and I. Wallerstein's views on the problem of the Russian modernization, as well as the world-system concepts of contemporary Russian scientists. In his opinion, the failure of current theories of the Russian modernization can be overcome with the use of the world-system analysis. This approach lets us to discover the historical regularities of the economic and political development of Russia and its peripheral position in the capitalist world system.

Keywords: modernization, Russia, world-systems analysis, capitalism, market, periphery, center, redistribution, managed pluralism.

Многовековые модернизационные тенденции, наблюдающиеся в России, придают динамизм ее историческому развитию, но не способствуют долговременному и качественному преобразованию российского

государства и общества. Причины несостоятельности российской модернизации чаще всего усматривают в цивилизационной, исторической и географической специфике России, в ее пограничном положении между

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках исследовательского проекта «Российская модернизация и антимодернизационные тенденции» (грант № 08-03-00174а).

** Хакимов Григорий Анатольевич — аспирант сектора социальной философии Института философии РАН. Эл. адрес: khakimov_grigory@mail.ru

Западом и Востоком, в непреодолимом расколе российского общества, в создании альтернативного модерна и «противоцентра». При анализе процессов российской модернизации чаще всего применяют популярные теории развития, транзитологии, неоллиберальные концепции глобализации, теории «догоняющей» модернизации, постиндустриального общества, идеи «конца истории» и «столкновения цивилизаций». Кроме того, по-прежнему между представителями западничества, евразийства, почвенничества, славянофильства и т. д. продолжается спор об «особом пути» России. Перечисленные концепции не позволяют исследователям объективно интерпретировать процессы российской модернизации, учитывать не только ее эндогенные (внутренние) факторы, но и экзогенные (внешние) глобальные условия. Назрела необходимость выявить исторические закономерности вхождения России в мировую капиталистическую систему. Именно поэтому нам представляются особенно актуальным обратиться к концепциям, использующим принципы мир-системного анализа.

Объектом мир-системного исследования является не отдельное общество, цивилизация или национальное государство, а «мир-система» или «капиталистическая мир-экономика». Как справедливо отмечают В. И. Пантин и В. В. Лапкин, для мир-системного подхода характерно взаимодействие модернизационного и цивилизационного анализа. «Само разделение мир-системы на центр и периферию фактически исходит из того, что центр представляет собой совокупность обществ, успешно осуществляющих модернизацию и принадлежащих главным образом к западной цивилизации, а к периферии (или полупериферии. — Г. Х.) относятся несовременные (или полусовременные) общества, принадлежащие к другим, незападным цивилизациям» (Пантин, Лапкин, 2001: 236). Таким образом, мир-системная методология помещает все страны и регионы мира в единое геоэкономическое и геополитическое пространство, которое, говоря словами

Ю. Хабермаса, «задает темп для принудительной одновременности неодновременного». Именно такое диалектическое противоречие способствует исторической динамике капиталистической мир-системы.

Учитывая эти методологические принципы мир-системного подхода, проанализируем взгляды его представителей на проблему российской модернизации и особенности исторического вхождения России в глобальный капитализм. Ф. Бродель определял Россию как «*долгое время саму по себе мир-экономику*». Историк отмечал, что Российское государство до XVIII в. имело тенденцию организовываться в стороне от Европы как самостоятельный мир-экономика со своей собственной сетью связей. Торговые отношения с Югом и Востоком были по объему большими, чем с Европой. Запад требовал от России лишь сырье (конопля, лен, смола, корабельные мачты) и продовольствие (хлеб, соленая рыба), снабжал ее предметами роскоши и чеканной монетой. Напротив, Восток покупал у нее готовые изделия: кожевенное сырье, пушнину, скобяной товар, железные изделия, оружие, воск, мед, продовольственные товары, реэкспортируемые европейские изделия. Сам же Восток поставлял России красящие вещества, снабжал ее предметами роскоши, а также тканями по низкой цене, шелком и хлопком (Бродель, 1992: 456).

Причинами российской «квазиавтономии» в период развития капитализма на Западе (с XVI по XVIII в.), по мнению Броделя, была не отрезанность ее от Европы, а внутренние факторы развития самой страны: недостаточная плотность населения, обширная территория, «многотрудное и без конца возобновляющееся установление ее внутреннего равновесия», всемогущество государства, что способствовало контрабандной торговле, ужесточение крепостничества, незначительная роль городов (за исключением крупных торговых портов и столиц) и др. Бродель отмечает, что в России феодальный строй закрепился именно тогда, когда на Западе он уже начал разрушаться. В период с XV по XX в. европеизация страны усили-

лась, но затрагивала при этом лишь небольшую часть населения: дворянство, крупных землевладельцев, интеллигенцию, политиков. Развитие торговли с Западом превращало землевладельцев России в производителей зерна и торговцев, не развивало промышленность. Следствием этого стало «вторичное закрепощение» крестьян, которое не было отменено в 1861 г. и во многом явилось причиной революции 1917 г. Но и после революции в результате последовавшей за ней коллективизации «в России крестьянин так и не получил долговременного статуса полноценного землевладельца». По мнению Броделя, в Советском Союзе сложился социализм авторитарного типа или, по К. Марксу, «казарменный социализм». Строительство социализма в стране Бродель называет «драмой слабозрелости», это «выбранный государством способ быстрого, невзирая на человеческие жертвы, прохождения этапов промышленного развития в отсталой аграрной стране». Все эти вековые тенденции обусловили сырьевой характер российской экономики по отношению к Западу, но именно такое положение обеспечило России возможность осуществить шаги в сторону частичной модернизации. Бродель справедливо отмечает *противоречивую двойственность российской модернизации*: «современность перед лицом Европы и реакционное Средневековье внутри страны» (Бродель, 2008: 517).

Еще более критичен подход И. Валлерстайна, рассматривающего Россию как «полупериферию» мировой капиталистической системы. Как и Бродель, Валлерстайн отмечает замкнутость и автаркичность России в период становления в Европе мира-экономики, полагая, что Российское государство в это время переживало «бурный рост собственной мир-империи». Социально-экономические отношения в ней регулировались по принципу *редистрибуции* (согласно концепции К. Поланьи) — централизованного перераспределения товаров при помощи псевдохозяйственного посредника в лице сильной политической власти. Раннее столкновение мир-экономики Запада и Московского цар-

ства в ходе Ливонской войны закончилось взаимным отбрасыванием. Попытки применить тактику «догоняющей» модернизации во времена правления Петра I, Екатерины II, Александра II, незавершенные реформы Витте, сталинская индустриализация были направлены лишь на «военно-бюрократическую модернизацию» и выявили слабость аппарата управления.

Россия в ходе своей истории не стала колониальной периферией, как и не смогла войти в капиталистическое «ядро». По определению Валлерстайна, Россия представляет собой «полупериферийного военного гиганта, у которого, однако, было хронически слабое «сердце» и случались закупорки в «сосудах» бюрократического управления» (Валлерстайн, 1996: 39). Свое уязвимое экономическое положение Российское государство компенсировало политически. Так было и во время существования СССР. Как полагает И. Валлерстайн, с экономической точки зрения социалистические страны были частью современной мир-системы и составляли ее полупериферию, активно участвуя в капиталистическом разделении труда. В политическом плане Советский Союз превратился в идейного лидера стран полупериферии и периферии, в альтернативный идеологический центр мир-системы. По прогнозам Валлерстайна, российская модернизация будет «полууспешна», не будет ни катастроф, ни процветания, а обычная для России *«ухаби-стая история»*.

На основании взглядов Ф. Броделя и И. Валлерстайна современные отечественные исследователи развивают различные концепции развития России в мировой системе.

Известный ученик и последователь И. Валлерстайна, социолог Г. М. Дерлугьян предлагает оригинальную трактовку эволюции Российского государства в миротехнической перспективе. Он выявляет исторические признаки периферийности России в «системе больших экономических колес» Запада и Востока: военная организация общества и государства, зерноэкспортирующая экономика, эксплуатация дешевого крестьян-

ского труда, полууспешность реформ, пропасть между элитой и народом, «долгодогающее развитие», «экономика рывка», бюрократическая организация, централизация власти. Эти признаки были характерны как для Московской Руси, так и для эпохи Российской империи, так и для Советского Союза. За всю историю благодаря этим особенностям в России было осуществлено три прорыва: создание стрелецкого войска при Иване Грозном, создание имитационного абсолютистского государства в XVIII в., создание современного военно-индустриального режима в СССР. Дерлугьян верно замечает, что и в настоящее время эта система, теряя целостность, распадаясь на сегменты, не меняется внутренне. Поэтому, по его мнению, в современной России до сих пор не произошла капиталистическая революция, а наблюдается «сегментация старого брежневского режима», которая во многом продолжается в наших провинциях, в некоторых отраслях, на некоторых предприятиях. Сегодня главной проблемой для России, считает Дерлугьян, является решение вопроса о том, как построить индустриальную экономику нового типа на собственных ресурсах (Дерлугьян, 2006).

На основании мир-системных принципов анализа социальных процессов возникла также концепция «русской системы», предложенная Ю. С. Пивоваровым и А. И. Фурсовым. Исследователи полагают, что в XVI–XVII столетиях произошли две великие социальные революции — капиталистическая на Западе и самодержавная в Российском государстве, которые положили начало двум «внелокальным историческим системам». Соответственно, начались две внелокальные экспансии. Европейская капиталистическая экспансия реализуется интенсивно (во времени) и заключается в развитии экономики, прибыли, рынка. Русская самодержавная экспансия, напротив, осуществляется экстенсивно (в пространстве) и заключается в экспансии чистой власти (признании самодержавного царя). Исследователи подчеркивают: «капиталистическая экспансия есть функцио-

нальный охват мирового пространства капиталистическим временем» (построение мировой экономической системы), «русская — функциональный охват мирового пространства Русской Властью и превращение его в русское пространство», высшей формой которого явился коммунизм (Пивоваров, Фурсов, 2001: 43).

Первая фундаментальная попытка осмысления российской истории сквозь призму мир-системной методологии была предпринята Б. Ю. Кагарлицким, обосновавшим концепцию России как «периферийной империи». Основной тезис этой концепции заключается в том, что на протяжении многовековой истории Россия развивалась как периферийное государство мировой капиталистической системы. Она не была способна «догнать» Запад, поскольку все попытки российской модернизации проводились в чрезвычайных обстоятельствах и поэтому приводили к авторитаризму и укреплению государственного аппарата, что не могло благоприятствовать здоровому развитию и закреплению достигнутых успехов. «Россия обретала западные формы, не становясь частью Запада». Вековой проблемой России была не «отсталость», а ее периферийное положение в мир-системе капитализма. Такое положение нельзя преодолеть за счет осуществления «рывка», так как это может привести к возникновению новых опасностей и противоречий, нужны качественные преобразования (Кагарлицкий, 2004: 347–348). Свидетельством непонимания этой ситуации могут служить исторические неудачи «догоняющих» модернизаций. К сожалению, проблема периферийности нашей страны была и остается не признанной российской политической элитой.

Поставленные Б. Ю. Кагарлицким проблемы активно начали обсуждаться в современной отечественной науке. Так, В. Н. Шевченко, рассматривая исторические этапы взаимодействия капиталистической мировой системы и Российского государства, справедливо замечает, что периферийность России обусловлена ее вековой зависимо-

стью от центра мировой капиталистической системы, а «попытка догнать западные страны приводит к появлению нового варианта или витка зависимости». Отечественная бюрократия и торговый капитал работают на внешний рынок, ориентируются на продажу продуктов сельского хозяйства, сырья, полуфабрикатов странам центра. Они идут на максимальное понижение издержек производства, чтобы получать хорошие валютные доходы и быть конкурентоспособными. Это препятствует развитию внутреннего рынка, горизонтальных общественных структур, развитию социальной сферы, возникновению потребности в структурных политических реформах, образуя раскол в российском обществе (Шевченко, 2006).

В. С. Мартьянов, следуя логике Кагарлицкого, ищет возможности преодоления периферийности России в актуальной мир-системе. По его мнению, исходить нужно из того, что Россия является самой «неодновременной» страной современного мира, «квинтэссенцией человечества». Изменить свое периферийное положение в мире на более выгодное Россия может, лишь меняя миросистему целиком, предлагая глобальные решения. Именно поэтому российская «миросистемная стратегия» должна отойти от традиционных принципов («периферийных комплексов»), таких как поиск «внешнего врага», «цивилизационная уникальность», имперское (автаркичное) мышление, транзитологическая парадигма, «догоняющая» модернизация и других. Как подчеркивает Мартьянов, для преодоления этих комплексов России нужно создать «новое холистское мировоззрение» с помощью применения принципов мир-системного анализа (Мартьянов, 2007).

Вековые тенденции, отмеченные мир-системными концепциями, оказывают влияние и на современное состояние России. Отталкиваясь от мир-системной методологии, главную причину периферийности России можно усмотреть в том, что в российском обществе до сих пор не сложился капитализм. Это связано с тем, что в стране не произошло первоначального накопления капи-

тала, а с начала 1990-х годов наблюдается тенденция лишь к постоянному уменьшению производимого прибавочного продукта. На Западе в результате первоначального накопления капитала произошла «великая трансформация» (К. Поланьи) общественных отношений — появился политически и экономически самостоятельный класс буржуазии, политически активный и социально защищенный рабочий класс; государство и общество выработали общий взаимовыгодный путь для регулирования рынка; рыночная конкуренция вдохновляла на трансформацию производства и т. д. Рыночные отношения проникли во все сферы западного общества и способствовали его самовоспроизводству и модернизации, развитию и динамике капитализма.

В России при переходе к рыночной экономике в 1990-е годы, напротив, наблюдалась «великая инволюция» (М. Буравой) — «ситуация, когда обмен душит производство», появляется «экономика, пожирающая собственные устои» (Буравой, 2006). Российский переход к рынку характеризуется не ростом производительности труда и не созданием новых (отличных от социалистических) форм производства, но появлением в результате краха командной экономики «перераспределительного вакуума». Имущество бывших советских промышленных и сельскохозяйственных предприятий начали делить посредники путем обмена, бартера, сделок. Неолиберальная «шоковая терапия» предусматривала, что рынок заработает сам, без создания институциональных условий.

Эти тенденции не привели к созданию в России классового общества. Появился «паразитический класс» олигархов, контролирующий перераспределение сырья. Если на Западе буржуазия зависит от пролетариата и предоставляет ему мощные рычаги давления в борьбе за условия труда, соцобеспечение, организацию профсоюзов, то в России олигархия остается вдалеке от производства и не связана с производительными возможностями рабочего класса, который

поэтому и теряет рычаги давления. Это способствует развитию *меритократии* — искусственной демократии, которая оправдывает разделение на элиту (*public administrators*) и управляемые массы. В условиях меритократии государство, отражающее интересы олигархии, не предоставляет рабочим ни социальной защиты, ни политических прав, а потому общество все больше замыкается в себе и отдаляется от государства. В ельцинскую эпоху мы наблюдали конкуренцию олигархов (передел советской собственности), которая создавала видимость рыночной экономики и имитацию демократии. Путинский режим ознаменовал собой возобновление характерной для России «тенденции к монололизации власти» (термин А. С. Ахизера), создав монополию правящей элиты на властные, экономические и информационные ресурсы.

Усилению государства способствует само общество, которое замыкается в себе в попытке спастись от государства (*vicious cycle*). В экономическом плане замкнутость проявляется в том, что продолжает существовать огромный слой «материальной жизни» и домохозяйств, не втянутый в торгово-рыночные отношения. Существует многоукладность — наряду с современными отраслями значительное место занимают традиционные и архаичные отрасли. Происходит экстенсивное развитие экономики, развивается лишь торгово-потребительский сектор, игнорируется технологический прогресс, большую роль продолжает играть теневая экономика. Развивается спекулятивно-финансовый банковский капитал, который увеличивает внешний долг государства и способствует оттоку капитала за границу. Важная роль принадлежит государственно-монополистическому сектору, подавляющему рыночную конкуренцию и сохраняющему сырьевую зависимость экономики.

Общество искусственно отгораживается не только от участия в рыночной экономике, но и от политической жизни страны. С согласия «молчаливого большинства» государство начало проводить в жизнь режим

«управляемого плюрализма» (Х. Балзер), соединяющего идею демократии и принципы авторитаризма. Этот режим в реальной политике В. В. Путина и Д. А. Медведева находит следующие противоречивые проявления:

1. Одновременно поддержание и ограничение парламентаризма: порог для представительства в Думе повысится с 5% до 7%, отменены одномандатные округа, создана прокремлевская крупная партия, срок полномочий президента увеличился до шести лет, Думы — до пяти лет.

2. Провозглашение свободы слова и одновременное ограничение деятельности СМИ. В России лишь немногие из печатных изданий, теле- и радиопрограмм стали самофинансируемыми, что дает федеральному правительству ряд рычагов влияния на освещение событий и наказания несогласных.

3. Профсоюзы создаются «сверху», а поэтому вряд ли будут способны защищать интересы работников, когда эти интересы станут противоречить политике правительства.

4. Создание семи федеральных округов и право президента предлагать своего кандидата на должность губернатора не ужесточают контроля за произволом местных элит (Балзер, 2004: 50–56).

Налицо подчинение рынка и общества государству, реставрация советской системы, основанной на принципах «редистрибутивной (распределительной) пирамиды» (Стариков, 1991: 111). Зависимость от редистрибутивных структур создает почву для усиления коррумпированной власти, что порождает феномен «бюрократической буржуазии» — паразитического класса, занимающегося подражательством и посредничеством. Рост происходит не за счет долговременной модернизации рыночной экономики и социальной сферы, а за счет быстрого извлечения сверхприбыли из непроизводственного сектора экономики и обогащения бюрократической буржуазии с помощью экспорта сырья. Россия не модернизируется, но осуществляет «рост без развития» или, если использовать концепцию мир-систем-

ника А. Г. Франка, «развитие недоразвитости». В этом случае национальная элита заинтересована не в развитии, но в сохранении распределительного характера производства и удержании излишка, что мешает экономическому развитию. Как видим, на современном этапе «модернизации» Россия по-прежнему идет своим особым и уникальным путем, так и не преодолевая свойственные ей антимодернизационные вековые тенденции. Этот путь продолжает погружать Россию в историческую периферию глобального капитализма.

Мир-системная методология открывает горизонт для поиска глубинных причин периферийности России, позволяя исследователю более объективно анализировать и оценивать происходящие в стране социальные трансформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балзер, Х. (2004) Управляемый плюрализм: формирующийся режим В. Путина // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 46–59.
- Бродель, Ф. (2008) *Грамматика цивилизации*. М.: Весь мир.
- Бродель, Ф. (1992) *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира*. М.: Прогресс.
- Буравой, М. (2006) Великая инволюция: реакция России на рынок // *«Великая трансформация» Карла Полаanyi: прошлое, настоящее, будущее / общ. ред. Р. М. Нуреев*. М.: ИД ГУ–ВШЭ. С. 343–369.
- Валлерстайн, И. (1996) *Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль*. № 5. С. 30–42.
- Дердугьян, Г. М. (2006) Эволюция Российского государства в миротрансформационной перспективе, 1000–2010 гг. н. э. // *Русские чтения*. Вып. 1. М.: ИНОП. С. 38–57.
- Кагарлицкий, Б. Ю. (2004) *Периферийная империя: Россия и миротрансформация*. М.: Ультра. Культура.
- Мартьянов, В. С. (2007) Россия в меняющемся мире // *Свободная мысль*. № 6. С. 7–22.
- Пантин, В. И., Лапкин, В. В. (2001) «Универсальная цивилизация»: генезис и противоречия // *Мегатренды мирового развития / под ред. М. В. Ильина, В. А. Иноземцева*. М.: Экономика. С. 235–260.
- Пивоваров, Ю. С., Фурсов, А. И. (2001) «Русская система» как попытка понимания русской истории // *Политические исследования*. № 4. С. 37–48.
- Стариков, Е. Н. (1991) От классового общества к сословному (редистрибутивная экономика и социальная структура) // *Бюрократия и общество / отв. ред. С. А. Королев*. М.: Философское общество СССР. С. 105–124.
- Шевченко, В. Н. (ред.) (2006) *Жизнеспособность Российского государства как философско-политическая проблема*. М.: ИФ РАН. С. 5–40.

Из хроники научной жизни

Заработал новый электронный ресурс, созданный на базе Института фундаментальных и прикладных исследований МосГУ, — научный информационный журнал «Новые исследования Тувы» (<http://www.tuva.asia/>).

Это проект, посвященный проблемам российской региональной модернизации, в частности Республики Тыва (Тува). Он призван соединить усилия специалистов по современным социальным проблемам России и Тувы (представителей крупных научных центров страны, исследуемого региона, а также зарубежных ученых); объединить усилия ученых и широкой общественности в совместном обсуждении актуальных вопросов развития Тувы; организовать научный диалог между специалистами по восточным культурам (тюркологов, номадоведов, монголоведов и пр.) для решения актуальных вопросов модернизации кочевых культур в XXI веке.